

ратическая волокита и прямая ложь (*Брызгалов И.Л. Церковно-приходские школы и школы грамоты Иркутской епархии в 1896–1897 гг. Иркутск, 1897. С. 129–131. ЕЕВ. 1914. № 22. С. 23–27; ИЕВ. 1911. № 4. С. 56–62; ИЕВ. 1901. № 12. С. 83. ГАИО, ф. 50, оп. 7, д. 331, л. 8–9; АААКК, ф. 297, оп. 1, д. 48, л. 12*). Рядом исследователей отмечено, что столкновения между приходскими священниками и крестьянскими начальниками были массовыми, основанными не только на корпоративной солидарности последних, но и подкреплявшимися позицией иркутского генерал-губернатора А.Д. Горемыкина (см., напр.: *Оглезнева Г.В. Правительственная политика и деятельность сельского духовенства Восточной Сибири в конце XIX–начале XX вв. // Церковь и государство: история и современность. Иркутск, 2005*).

Боясь утратить административный контроль над приходской общиной, епархиальная администрация пошла привычным путем: формально содействуя начинаниям, на деле она всячески препятствовала действительному развитию широкого церковного самоуправления. Возрождению самостоятельной приходской общественной жизни препятствовали и светские власти. Попытка реформирования низовых церковных структур в Восточной Сибири фактически провалилась, не вызвав серьезных изменений в жизни сибирского прихода.

И.В. ОРЛОВА

ПОПЫТКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ в 1920-х гг.

Сегодня сфера образования воспринимается как системная структура, имеющая относительную самостоятельность, способная оказывать активное воздействие на функционирование и развитие общества. В нашей стране более сотни лет образование находится в поле зрения государственной политики, при этом тяжело «вызывало» и укоренялось мнение о том, что образование является важнейшим фактором социально-экономического прогресса, а человек как субъект этого процесса, как производительная сила, должен соответствовать уровню развития государства, в котором живет и трудится. Социальные аспекты образования имеют не только теоретические позиции, но и практические показатели. Именно практическое преломление формирует самочувствие социума, которое отражает эффективность социальных мероприятий.

В данной статье хочется обратиться к историческому опыту советской России 1920-х гг., когда страна переживала опыт государственного регулирования социальных процессов в условиях переходного общества — опыт эпохи нэпа. В исторической литературе переход к нэпу принято рассматривать как уступку населению, как систему антикризисных

мер. И в этих условиях выход России и ее регионов из кризиса тесным образом был связан с решением проблем развития производства, что в условиях массовой неграмотности было невозможно. Так, в начале 1920-х гг. перед государством вставала задача поиска наиболее быстро-го и эффективного пути модернизации образования.

Решение государственных проблем в области народного образования стало одним из приоритетных направлений социальной политики периода нэпа. Ленинский тезис «безграмотный человек вне политики» определил основную социокультурную задачу 1920-х гг. — развитие школьного образования в качестве подготовки к Всеобучу. Реализация этих задач была возложена на Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), а в региональном масштабе на Губернские отделы народного образования (ГубОНО).

Главной функцией системы народного образования стало обеспечение населения начальным образованием. В декабре 1922 г. на X Всероссийском съезде Советов народное образование было названо «важнейшим фронтом борьбы с темнотой, невежеством, суеверием и предрассудками». Таким образом, вся культурно-образовательная работа большевиками была обозначена как «третий фронт». В сложной послевоенной обстановке «культурный фронт» оказался в полосе финансового кризиса, который привел к упадку работы на ряде его участков. Доля расходов на народное образование в государственном бюджете резко снизилась: с 10% в 1920 г. до 2–3% в 1922 г. Поддержка государства сошла на «нет», и стала осуществляться по остаточному принципу.

В начале 1920-х гг. молодая система советского народного образования испытывала огромные финансовые трудности. Перевод школ на местный бюджет привел к закрытию большинства из них. Так, в Иркутской губернии количество школ в 1922/23 гг. по сравнению с 1921 г. сократилось в 2,2 раза (ГАИО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 99. Л. 5, 15об.). Новый принцип материального обеспечения наложил отпечаток на весь процесс развития образования и стал характерной чертой периода 1920-х гг. Финансовые заботы поглотили внимание значительной части работников просвещения, что в известной мере отодвинуло на второй план многие другие задачи. Основным мотивом большинства докладов, отчетов и писем, которые шли с мест в центральные органы народного образования, особенно в 1921–1922 гг., были сетования на резко ухудшившиеся финансовые условия работы, сообщения о ходе борьбы с материальными трудностями и т.д. Не случайно в циркуляре Сибирского отдела народного образования (СибОНО), разосланном на места летом 1922 г., говорилось: «Вопрос о материальном базисе социального воспитания в условиях нэпа является для нас в настоящее время кардинальным вопросом нашей работы» (*Там же. Д. 93. Л. 10*).

Особенно сложным положение было на селе: нехватка школ, инвентаря, непригодность помещений. Еще в декабре 1917 г. одним из первых шагов новой власти стала передача образования из духовного ведомства в ведение комиссариата просвещения, что означало закрытие всех духовных училищ, церковно-приходских школ, учительских семинарий, миссионерских школ, т.е. подавляющего большинства образовательных учреждений в сельской местности. Сельская школа 1920-х гг. сталкивалась с колоссальными трудностями, и дело не только в дефиците педагогических кадров и нехватки помещений (занятия проводились даже на квартирах учителей и учеников), но и в отсутствии пособий, учебников. Зачастую вместо карандашей применялся уголь, вместо бумаги — береста. Ученики писали гусиными перьями, а вместо чернил использовали разведенный сок черники или охру.

Местные власти, не имея возможности решить вопрос школьного строительства на селе за счет бюджетных средств, единственным выходом избрали привлечение средств самого населения, получившее название «самообложение». В январе 1922 г. коллегия Иркутского ГубОНО, рассмотрев положение дел в Нижне-Илимском районе, констатировала, что «район не имеет никакой материальной базы для своего существования. Денежные знаки вовсе не имеют хождения и потому денежные кредиты использовать нельзя... Положение учащихся в отношении обеспечения обувью и одеждой катастрофическое». При этом давалось разъяснение, что «основное занятие населения — охота на белку, — в этом году дала очень небольшой результат, ... содержать учащихся (их 43 чел.) не на что» (*Там же. Л. 5, 5об.*). Руководители района просили помощь продовольственными пайками, так как возложить содержание учителей на местное население было невозможно.

С 1923 г. повсеместно разворачивается компания по оказанию помощи сельской школе, путем подписания договоров между отделами народного образования и сельскими жителями. Так, на средства населения в 1923 г. содержались 3 153 школы, или около 70% всех школ Сибири (*Фролов Ю.М. Сельская школа Сибири в 1920-е гг. // Социально-экономическое развитие сибирской деревни в Советский период. Новосибирск: Наука, 1974. С. 76*). Средства сельских школ были скудными. В среднем на сибирскую сельскую школу приходилось 72 р., что было в 3,0–3,5 раза меньше, расходов на городскую школу, состоящую на местном бюджете (*Соскин В.Л. Развитие материальной базы народного образования в Сибири в первое десятилетие Советской власти // Школа и учительство Сибири 1920–1930 гг. Новосибирск: Наука, 1978. С. 128*). Следует отметить, что крестьянство, негативно относившееся к налогам вообще, отрицательно воспринимало и идею самообложения в пользу школьного строительства. В 1922 г. чекисты фиксировали, что в селе Преображенка Иркутской губернии крестьяне постановили: «иметь школу совершенно излишне, во-первых, потому что

совершенно нечем кормить учителей, и, во-вторых, что теперешнее учение ничего не дает» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 12, 15).

Заведующая Иркутским уездным ОНО тов. Моисеева констатировала, что «самообложение носило характер подачки учителям», а «учитель в глазах местного населения является виновником начала революции и ее последствий» (Там же. Л. 20). Но была и такая часть селян, которая соглашалась с решением властей о введении самообложения. Правда, это были представители пробедняцкого населения, которые от налогов освобождались. Не зависимо от мнения крестьян, в деревне засеивались «культгектары» и «детгектары», проводились дни школы. И хотя самообложение было неустойчивой базой, роль его была велика, так как часть деревенских школ сохранилось.

С целью удержания городской школьной сети от распада, Наркоматом просвещения 31 марта 1923 г. было издано особое положение «О порядке взимания платы за обучение в школах I и II ступени» (СУ РСФСР. 1923. № 89. Ст. 870). Введение платы за обучение происходило, в первую очередь, потому, что государство не в состоянии было содержать систему образования, и, конечно, от того, что опасалось появления частных школ. Поэтому был избран компромисс — государственные школы с платным обучением. Платность обучения была санкционирована лишь для городов и поселений городского типа.

Общая сумма платы за право обучения, взимаемая с родителей из числа рабочих и служащих, не должна была превышать 20% от их заработка. Принадлежность родителей учащихся к какой-либо из названных групп определялась хозяйственным комитетом школы, в который родитель подавал заявление. Родители, не согласные с решением комитета, могли обжаловать его в школьном городском совете при ГубОНО. Все доходы от платы поступали в распоряжение отделов народного образования, причем 75% составляли спецсредства данной школы, а 25% расходовалось на школы, где преобладали дети рабочих и неимущих граждан. Плата за обучения вносилась по учебным четвертям, за 3 месяца вперед, а именно: 10 октября, 10 декабря и 10 марта. Родителей, уклоняющихся от «посылки» детей в школу, привлекали к административной ответственности в виде штрафа или принудительных работ (ГАИО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 179. Л. 182, 183).

В 1924/25 учебном году, когда вопросы ценообразования и зарплаты обрели стабильность, тарифное население было разбито на 4 категории (согласно постановлению Сиббюро ВЦСПС от 28 декабря 1923 г.): I категория, к которой относились рабочие и служащие с окладом от 21 до 25 р. золотом (плата за обучение детей для этих граждан составляла 3,1% от заработка); II категория — рабочие и служащие с окладом от 26 до 40 р. золотом платили 4%; III категория — с окладом от 41 р. до 75 р. золотом платили 4,5%; IV категория — с окладом от 76 р. золотом и выше, платили 5% (Там же. Д. 228. Л. 3, 3об.).

Нетарифное население тоже было разбито на категории: V категория, к которой относились крестьяне, кустари и ремесленники-одиночки, не пользующиеся наемным трудом, платили твердую ставку за каждого своего ученика 3 р.; VI категория — кустари и ремесленники, использующие наемный труд, их ставка была 6 р. за ученика; VII категория, в которую входили торговцы и промышленники; они платили в зависимости от выбираемого ими патента, и цена оплаты в таком случае колебалась от 6 до 25 р.; VIII категория — лица свободных профессий, платили так же, как и представители VII категории в соответствии с выбираемым патентом, от 1 до 3% от заработка; IX категория, к ней относились служители религиозных культов, для которых устанавливалась твердая ставка в 8 р. золотом; X категория, в которую входили домовладельцы, платили в зависимости от стоимости имущества и подоходного налога взимаемого за него (если стоимость имущества была в пределах 500 р., то от платы за обучения они освобождались, если выше 500 р., выплачивали 1,5%).

При наличии второго ученика у граждан II и III категории ставки за обучение увеличивались до 5%. Лица с V-ой по X-ю категорию, платили полную ставку лишь за одного ученика, за второго — 50%, за последующих — 25%.

Инструкции Наркомпроса, краевого и губернского отделов образования призывали соблюдать классовый принцип оплаты за обучение. Основную тяжесть оплаты должны были нести зажиточные семьи. Классовый характер взимания платы в школах объяснялся тем, что главной задачей советской власти было дать образование детям рабочих и крестьян. Так, Иркутский губернский отдел народного образования от взносов за обучение в 1924/25 гг. получил 39 771 р. 58 к., в 1925/26 гг. — 94 479 р. за счет увеличения мест и повышения оплаты.

И все же население полностью не могло покрыть расходы на образование, местные власти параллельно привлекали различные организации. Потребительская кооперация Иркутской губернии создала фонд народного просвещения путем отчисления 1% от проданных товаров на содержание школ, изб-читален, школ ликбезов, библиотек и клубов. С сентября 1922 г. по октябрь 1923 г. в этот фонд кооперацией было отчислено 10 638 р. золотом. В селе Усть-Уда потребительская кооперация постоянно выделяла средства на культурные нужды. Было взято шефство над школами в Братской волости и отпущено на образование 250 р. золотом, закуплено большое количество учебников и изготовлена школьная мебель.

31 августа 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР принял декрет «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построение школьной сети» (*О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построение школьной сети / Народное образование в СССР: сб. документов 1917–1973. М.: «Педагогика», 1974. С. 105–107*). В течение пяти лет (1926–1931 гг., пос-

ледним должен был стать 1930/31 учебный год) призывалось создать фундамент всей образовательной системы. Успех этого мероприятия обеспечил бы необходимые условия дальнейшего экономического развития страны и стал бы важнейшей социокультурной предпосылкой модернизации. Исходя из задач, была разработана подробная структура школьной сети и условия открытия школ, прежде всего I ступени. Число их должно было определяться количеством учащихся из расчета 40 детей на одного учителя (один комплект). Этот декрет положил начало длительной подготовке к Всеобучу, который стал первой попыткой создания и реализации социальной программы.

С 1927 г. Сибкрайкомом ВКП(б), в связи с необходимостью значительных затрат на школьное и больничное строительство в сельской местности установил 10% целевую надбавку на сельхозналог. При этом вся сумма этой надбавки оставалась на местах (в районных бюджетах) и расходовалась исключительно на нужды школьного и больничного строительства. Для Иркутского округа 1926/27 учебный год — первый год плановой подготовки к Всеобучу — охарактеризовался усилением материальной базы школ. План по развитию школьного образования был перевыполнен: вместо 644 школьных классов было развернуто 688 (ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 322. Л. 126). Происходят изменения и в материальном оснащении школы: если на одного ученика сельской школы I ступени в 1925/26 г. в Иркутском округе расходовалось в среднем 17 р., то в 1926/27 г. почти 21 р. (*Культурное строительство в Иркутской области (1917–1967 гг.): сб. документов / под ред. А.П. Косых. Иркутск: Восст. Сиб. изд-во, 1980. С. 49*).

Развитие системы народного образования, прежде всего с точки зрения количественных показателей, происходило по восходящей линии и в решающей степени определялось размерами финансирования. Общей тенденцией на протяжении 1920-х гг. было непрерывное увеличение доли местных бюджетов, направляемой на народное образование, они занимали первое место среди остальных статей расходов на социальные нужды. Так, Иркутский городской Совет рабочих и красноармейских депутатов в 1926 г. на одного жителя расходовал: на народное образование — 6 р. 50 к.; на коммунальное хозяйство — 5 р. 60 к.; на здравоохранение — 3 р. 70 коп; на содержание милиции — 90 р. (*Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю.П. Колмаков. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2003. С. 485*).

Весь период 1920-х гг. сопровождался постоянным дефицитом средств на нужды образования. Государство законодательно и экономически стремилось серьезно содействовать развитию народного образования. Решение социокультурных проблем наталкивалось на отсутствие собственных региональных бюджетных источников, в 1920-е гг. еще не сложилась система полноценного социального финансирования, кото-

рую можно было создать только за счет дальнейшего развития производственной сферы. Поэтому шло активное привлечение средств общест-венности и населения.

Все это делало переход к Всеобучу в установленные сроки невозможным. Поэтому в Москве были вынуждены скорректировать первоначальные сроки и перенести завершение введения всеобщего начального образования на 1933/34 учебный год. Форсированная образовательная политика в годы нэпа отозвалась другими проблемами, связанными с низкой общей культурой рабочих, отсутствием у них элементарных знаний и навыков к самообучению, внутренней мотивации на личностное саморазвитие, т.е. тех качеств, которые в значительной мере воспитываются в ходе качественного и полноценного школьного образования.

П. П. ПУШМИН

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КАФЕДР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК СИБИРСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ПОДГОТОВКЕ ИНЖЕНЕРОВ (1946–1991 гг.)

Идеология, как мировоззрение и миропонимание, всегда присутствовала в обучении и воспитании. Ее влияние на подготовку специалистов неоднозначно. Несомненно, догматизм идеологической направленности образования, зацикленность советской высшей школы на одной идеологии, запрет широкого изучения других идеологических систем нацеливали ее на формирование человека тоталитарного типа мышления, т.е. на унификацию личностного бытия и духовности индивида. Вместе с тем, формирование марксистско-ленинского мировоззрения способствовало появлению у студентов устойчивой системы ценностей, трудовой этики, дисциплины и исполнительности, эрудиции.

9 июля 1945 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках в преподавании основ марксизма-ленинизма в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского». В нем отмечалось, что на занятиях недостаточно выясняется коренная противоположность буржуазного и пролетарского мировоззрений, имеют место буквоедство и начетничество, лекции напоминают диктанты, семинарские занятия проходят примитивно и сводятся к формальному опросу студентов. В постановлении была определена задача повысить качество учебного процесса.

Выполняя эти требования, Красноярский крайком ВКП(б) начал кампанию по проверке преподавания общественно-политических дисциплин в институте. Результаты оказались неутешительны: преподаватели имели мало опыта преподавательской работы, качество обучения было невысоким. В 1946 г. на кафедре основ марксизма-ленинизма не было даже заведующего кафедрой. На заседании бюро крайкома ВКП(б) потребовали